Особый статус

Оборот оружия на территории Финляндии конца XIX – начала XX вв.

Иван Беляев

Финляндия, вошедшая в состав Российской Империи в 1808 году, имела особый статус. В Великом Княжестве Финляндском, как тогда называлась Финляндия, был свой сенат, были свои национальные вооруженные силы, законы, таможня, денежная единица – марка и т. д. С конца 80-х годов XIX века российское правительство проводит политику, направленную на ограничение внутренней автономии Финляндии.

Ружьё системы Marlin модель 1893 г.

До начала XX века Финляндия, в которой сильной поддержкой пользовалось «движение пассивного сопротивления», не вступала в открытое противоборство с империей. Но в начале прошлого века недовольство новой финляндской политикой России охватило всё княжество.

Изучение действовавших в Финляндии законов об оружии показывает, что говорить об этих законах нужно дифференцированно, разделив их на две категории.

К первой можно отнести законы, регулировавшие оборот оружия на территории самой Финляндии, до которых самодержавию вплоть до начала XX века, видимо, не было никакого дела, поскольку, в отличие от Польши, Финляндия не вступала в открытое противоборство с Империей и, следовательно, вопрос этот не имел политического значения.

На сегодняшний день, к сожалению, не известны законы, регулировавшие оборот оружия, изданные финским правительством. Говорить о подобного рода законах можно только с начала XX века, когда вопрос этот по названным выше причинам начинает приобретать политическое значение.

29 мая 1903 года в дополнение к высочайшему постановлению «О мерах к охранению в Финляндии государственнаго порядка и общественнаго спокойствия» было издано временное «... до истечения срока действия Высочайшего постановления...» постановление «О продаже и хранении огнестрельнаго оружия и припасов, а также взрывчатых веществ, и об устройстве стрельбищь».

Согласно этому документу воспрещалось хранение нарезных многозарядных ружей и патронов к ним без особого на то свидетельства губернатора. Исключение делалось для военных и должностных лиц, «кои на основании особых узакононений обязаны иметь таковое оружие и патроны». Торговцы оружием обязывались к ведению особых книг, в которых отмечалось все имеющееся оружие, когда и кому продано и т. п. Книги выдавались бесплатно губернским Правлением и были прошнурованы с печатью. Они должны были храниться «в складе и в магазине и предъявляться чинам полиции, другим командированным губернатором должностным лицам» для сверки. Стрельбища разрешалось устраивать лишь с разрешения губернатора. В документе ничего не было сказано о револьверах и пистолетах.

По сути, постановление лишь узаконивало оборот длинноствольного оружия, не ограничивая его, что можно понять, изучая материалы созданной по распоряжению генерал-губернатора Финляндии Н. И. Бобрикова комиссии, «по поводу свойств оружия, имеющегося в продаже в магазинах в г. Гельсингфорсе.».

Комиссия под председательством генерал-майора Эверта, состоявшая из полковника Свеаборгской крепостной артиллерии Нотары и капитана 1-го Финляндского стрелкового полка Иванова, была созвана в июле 1904 года уже после убийства Н. И. Бобрикова 4 июня 1904 г. На комиссию было возложено решение вопроса о том, «какое оружие и какие к нему патроны можно признать не боевыми и допустить к продаже в местных магазинах».Согласно журналу комиссии, ею были «испытаны стрельбой» «Ружьё Маузера, калибром 8 мм кавалерийскаго образца, ...пачечной системы ...на 5 патронов»; «...Ружьё Маузера калибром в 6,5 мм спорт – модель стреляет пачками на 5 патронов»; «...Ружьё употребляемое в американском флоте *И .J. Navy, sport modell* калибром в 6 мм»; «...Ружьё системы *«Marlin»* кал. 32-40 модель 1893 г. 8 мм с подствольным магазином»; «...Ружьё системы *«Marlin»* кал. 45-90 модель 1895 г. с подствольным магазином» ; «...Ружьё *«Winchester»* 32 Tell магазина не имеет»; «...Ружьё системы *«Marlin»* 25-20 модель 1894 г. с подствольным магазином».

Испытанное оружие разделили на три категории:

1 – образцы военных типов Маузера и *И .J. Navy*;

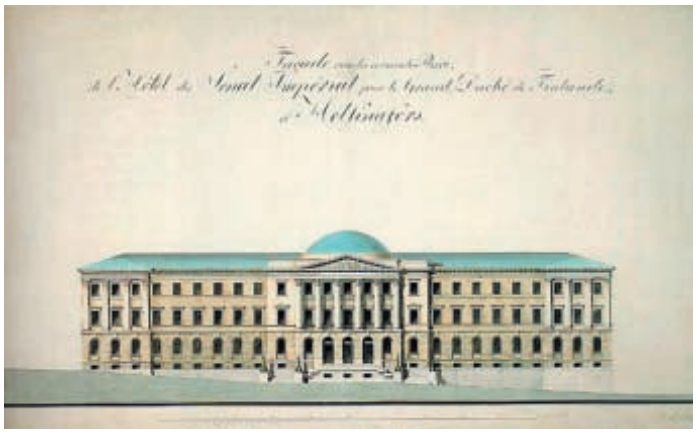
2 – образцы нарезных ружей, назначенные для стрельбы по зверю или далеко летящей крупной птице патронами с пулями;

3 – образцы гладкоствольных ружей.

Выводы комиссии были такие: «На основании произведённых опытов и результатов осмотра ружей комиссия пришла к заключению, что ружья военных типов Маузера и *И J. Navy* представляют нарезное оружие, стреляющее облегчённой пулей и бездымным порохом, имеют прицел для стрельбы на разныя дистанции до 1000 метров, допускают стрельбу пачками и по боевым качествам: дальнобойности, настильности, меткости, скорострельности и разрушительному действию пули, а равно по военным требованиям в отношении легкости ружья и удобства обращения с ним относятся к боевым ружьям, при чем продажа таких ружей должна быть воспрещена в магазинах.

Ружья второй категории системы *Winchester, Marlin Blykyla* также являются нарезным оружием и некоторые образцы ружей имеют подствольный магазин, стреляют пулей. Имея прицел без установки на определённыя дистанции, эти ружья обладают малой дальностью, не превышающей 500 шагов. Разрушительное действие пули этих калибров значительное. Эти ружья второй категории имеют главным назначением стрельбу по большому зверю: медведю, лосю и пр. Стрельба по этому зверю требует меткой и разрушительной пули. Принимая во внимание последнее обстоятельство, а также и то, что дальнобойность этих ружей не велика, комиссия полагает, что едва – ли можно отнести ружья второй категории к боевым» *(прим. автора – выделенные в тексте слова курсивом, в документах написаны от руки)*.

Ружьё системы Marlin модель 1893 г. калибра .30-30



Финляндский генерал-губернатор Н. Н. Герард

Других законов, кроме постановления «О продаже и хранении огнестрельнаго оружия и припасов, а так-же взрывчатых веществ, и об устройстве стрельбищь», регулировавших оборот оружия на территории Финляндии, нами не найдено. Даже утверждённая 24 ноября 1905 года мемория Совета Министров, несмотря на всю свою для Империи важность, не затрагивала ввоз огнестрельного оружия в Финляндию и оборот его там.

Из всего этого можно заключить, что в начале XX века, благодаря стечению обстоятельств, а именно особого статуса Финляндии в составе Империи и проводимой финским правительством политики, направленной на оказание « пассивного сопротивления» российскому правительству, у населения Финляндии было больше свободы в выборе огнестрельного оружия, чем у жителей других территорий Империи.

Ко второй категории можно отнести законы, регулировавшие ввоз огнестрельного оружия и вывоз его из Финляндии в Россию.

Законы, отнесённые нами к этой категории, царское правительство интересовали несколько больше, чем рассмотренные выше, но, к сожалению, не настолько, насколько они того заслуживали.

С 1835 года приезжающим из Финляндии как и из-за границы, разрешалось провозить «...пистолетов на экипаж 1 пара, ружей 1 штука», но «...для предупреждения злоупотреблений при ввозе товаров провозителям оных, судовщикам небольших судов, кои могут приставать удобно в разных местах, равно крестьянам и другим подобным людям...» запрещалось иметь при себе какое-либо холодное и огнестрельное оружие. К сожалению, формулировка закона не даёт однозначного представления, когда «при себе» «крестьянам и другим подобным людям» запрещалось иметь оружие, поэтому мы будем говорить только о бесспорном: иметь оружие было однозначно запрещено при пересечении границы.

А с 1861 года на всю европейскую границу было распространено «правило о пропуске привозимаго в Ц. Польское оружия», согласно которому «...пропускать всякаго оружия» можно было только с «...разрешения главнаго местнаго начальства».

В результате проводимой по отношению к Финляндии политики самодержавие создало себе серьёзные проблемы. «К началу революции 1905-1907 гг. в Финляндии завершилось создание подпольной сети по доставке в край оружия...».

При этом принятая 24 ноября 1905 года мемория Совета Министров «О порядке хранения и продажи огнестрельнаго оружия.», несмотря на все необходимость действия ее в полном объеме именно на территории Финляндии, через которую шла контрабанда оружия, всего лишь ограничивала провоз огнестрельного оружия из Финляндии в Империю, нисколько не затрагивая ввоз огнестрельного оружия в саму Финляндию и оборот его там. Для этого нужно было, видите ли, представление Императорского Финляндского Сената

В Финляндию, по «местным узакононениям», попрежнему можно было ввозить любое оружие, кроме духового и боевого, и соответственно патронов к ним, причем, какое оружие является боевым, мало кто представлял. Это видно из письма финляндского генерал-губернатора Н. Н. Герарда военному министру А.Ф. Редигеру, написанного 24 февраля 1906 года.

В этом письме Н. Н. Герард сообщал, что им хоть и «...было предложено Главному Директору Таможеннаго Управления в Финляндии и Начальникам прибрежных губерний принять самыя строгия меры по надзору и пресечению помянутаго незаконнаго ввоза...», но для этого нужно было еще решить, что считать боевым оружием, для чего им было «истребовано» заключение Императорского Финляндского Сената, который по этому вопросу «...склонялся к выводам комиссии, заседавшей в 1904 году...» по распоряжению Н. И. Бобрикова. В конце письма Н. Н. Герард просил военного министра дать заключение по поводу выводов этой самой комиссии.

Через неделю военным министром был дан ответ, в котором он рекомендовал к руководству « ... в отношении надзора по ввозу оружия в пределы Финляндии » мнение оружейного отдела артиллерийского комитета, которое в этом же письме и приводилось.

Дело в том, что принятую 24 ноября меморию Совета Министров на практике оказалось не совсем понятным, как исполнять. Поэтому уже январе 1906 года, 23-го Полицией и 20-го Таможней, о том, что считать охотничьим оружием, было запрошено Главное Артиллерийское управление. Заседание Оружейного отдела Артиллерийского комитета Главного Артиллерийского управления 14 февраля было посвящено этому вопросу.

Оружейный отдел полагал, что поскольку мемория проектировалась как временная, то разрешить к « ...безпрепятственному пропуску из за границы» следовало оружие с наиболее «явным признаком охотничьего оружия» каким, по мнению отдела, являлся гладкий ствол. Нарезное же оружие, поскольку «...установить точную границу между военным и охотничьим оружием в особенности для не специалиста в деле оружия, какими являются таможенные чиновники, представляется крайне затруднительным» и почти всё военное оружие могло быть использовано и для охоты – в особенности на крупнаго зверя, не подлежало к «безпрепятственному пропуску из за границы». Особо отмечалось «...что револьверы и пистолеты ни в каком случае не могут быть отнесены к охотничьему оружию».

Какой была реакция финской стороны на письмо военного министра неизвестно, но, по-видимому, её просто не было, поскольку только в июне, после «Особого Совещания по вопросу о воспрепятствовании тайному провозу оружия в Империю» финляндский сенат разрабатывает проект постановления касательно огнестрельного оружия.

Особое Совещание по вопросу о воспрепятствовании тайному провозу оружия в Империю, состоявшееся 15 и 18 мая 1906 года, было образовано «из представителей заинтересованных ведомств: Военнаго, Морского, Иностранных Дел, Внутренних Дел, Финансов и Торговли

и Промышленности, при участии Министра Статс-Секретаря Великаго Княжества Финляндскаго генерал-майора Лангофа».

Обсудив предложенный Горемыкиным проект инструкции для сформированного в Балтийском море отряда для охраны побережья, совещание плавно перешло к законодательству, ограничивающему ввоз оружия в Финляндию, поскольку признавалось, что морская охрана финских портов от ввоза оружия может быть эффективна при условии действия утверждённой 24 ноября 1905 года мемории Совета Министров и на территории Финляндии. В связи с чем Министр Статс-Секретарь Великого Княжества Финляндскаго генерал-майор А. Ф. Лангоф «засвидетельствовал полную готовность свою содействовать дополнению Финляндского Таможеннаго Тарифа в смысле временнаго, сроком на Один год, воспрещения ввоза боевых припасов и всякаго огнестрельнаго оружия, кроме охотничьих образцов».

Затем совещанием были рассмотрены установленные в 1904 году комиссией ограничения, которые были признаны «...далеко не достаточными с точки зрения остроты переживаемого политического момента, так как они не касаются ввоза револьверов и допускают всё же ввоз многих категорий охотничьих ружей, могущих иметь серьёзное боевое значение».

Когда на совещании речь зашла о контрабанде, А. Ф. Лангоф, несмотря на неоспоримые факты, как, например, случай с пароходом «Джон Крафтон» (пароход с оружием сел на мель у берегов Финляндии), пытался всех убедить в заинтересованности мирного населения Финляндии «...в недопущении тайного провоза оружия», в отсутствии «...оснований выказывать какое-либо недоверие финляндским таможенным учреждениям», что «...организация таможеннаго наблюдения в Финляндии стоит на высоте предъявленных к ней требований», а «распространённые в обществе и проникающие в печать слухи о широком ввозе оружия через Финляндию» являются преувеличенными. Складывается впечатление, что А. Ф. Лангофа больше волновала не контрабанда, а крайне нежелательное для финской стороны привлечение к охране её границы военно-морского флота и предлагаемое усиление финляндских таможенных учреждений русскими чиновниками.

В силу того, что для эффективной защиты удобных для контрабанды изрезанных скалистых берегов Финляндии требовались меры, которые, как справедливо отмечалось некоторыми министрами, не отвечали интересам морской торговли и особенностям финского законодательства *(прошу заметить: самодержавие ещё пыталось считаться с местным законодательством – прим. автора)*, внимание Совещания по предложению Председателя Совета Министров было перенесено на внутреннюю границу Финляндии с Империей, с защитой которой, как считалось, «...значительно умалялась бы опасность от ввоза его (огнестрельного оружия – прим. автора) в Финляндию из-за границы».

С такой постановкой вопроса согласился министр финансов, он же Шеф Пограничной стражи, который, как впрочем, видимо, и большинство членов Совещания, не очень надеялся на финскую таможню, но при этом почему-то только констатировал, что, оказывается, от «Ладожского озера и дальнейшая северная часть сухопутной границы с Финляндией представляются ныне почти открытыми для контрабанды и есть основания предполагать, что именно этим путём и идёт к нам тайный провоз оружия и иной контрабанды из Финляндии». По этому поводу совещанием было решено «поручить Министрам Военному и Морскому безотлагательно озаботиться предоставлением возможных средств для обеспечения должной охраны таможенной границы нашей с Финляндией на протяжении вод Ладожского озера и далее по сухому пути на север», что было зафиксировано в журнале Совещания в качестве одной из предлагаемых мер.

Вместе с тем среди предлагаемых совещанием мер о территории самой Финляндии не упоминается, что, скорее всего, связано со статусом княжества, для которой принятые Совещанием решения не были обязательны, о чём свидетельствует и разработанный, только после императорского повеления, финляндским сенатом проект «Постановления о временных ограничениях в праве привоза в край огнестрельного оружия», который, несмотря на заверения Лангофа, не соответствовал правилам, установленным в России с 24 ноября 1905 г. и, как отмечалось, открывал «широкий простор для ввоза какого угодно оружия».

2 июня 1906 года А. Ф. Лангофом было сообщено финляндскому генерал-губернатору о высочайшем повелении сенату выработать законопроект. Согласно представлению Сената, разработанный им законопроект был основан на следующих соображениях. Приведём их полностью: «При производстве охоты ружья уже с давних пор получили в Финляндии широкое применение и употребляются и по настоящее время, в особенности среди охотников из простонародья, которые занимаются

охотою в виде промысла и для которых она является значительным источником дохода. В этом отношении Сенат считает долгом особо отметить, что, кроме охоты на хищных зверей, тюлений лов, для которого совершенно необходимы дальнобойныя нарезныя ружья, также имеет весьма важное экономическое значение в особенности для жителей прибрежных общин Финского и Ботнического заливов, являясь местами, вместе с рыбною ловлею, главным промыслом целых деревень.

Кроме того, охотники из крестьян привыкли пользоваться ружьями и при охоте на мелкую дичь, преимущественно на птицу и белок, а потому ружья, при распространённых между ними способах охоты, является крайне необходимыми». В результате Сенат рассчитывал на год запретить к ввозу «не нужные для охоты ружья», разрешив «лишь такия общеупотребительныя в крае ружья, которыя предназначаются исключительно для охоты и изготовлены для стрельбы свинцовыми пулями».

Такими ружьями считались:

«I / ружья без магазина, снабженныя т. н. охотничьим прицелом (без обозначения на нём цифрами расстояний) и предназначенныя для стрельбы свинцовыми пулями.

2/ ружья без магазина для комнатной стрельбы / монте-кристо /, калибром в 22 / 6 м/м /, и

3 / из магазинных ружей, системы Марлина и Винчестера, снабженных т. н. охотничьим прицелом и предназначенных для стрельбы свинцовыми пулями – следующие калибры: 22 (6 м/м) (для комнатной стрельбы); 25-20 ($6^{1/2}$ м/м); 32 & 32 «специальныя» (8 м/м); 32-40 ($8^{1/2}$ м/м); 38-56 (9 м/м); 45-90 (11 м/м); 45-85 (11 м/м)».

С этим в корне было не согласно военное министерство, справедливо утверждавшее,

– что согласно этому документу охотничьим, а, следовательно, и разрешённым к ввозу, могла, например, считаться «представляющая боевую опасность» винтовка Бердана, стоило лишь на ней заменить прицел на так называемый охотничий,

– что разобраться в том, предназначено ли оружие для стрельбы свинцовой пулей или оболочечной, было не под силу даже специалисту и тем более таможенному чиновнику,

– и, наконец, то, что винтовками Винчестера, которые, согласно проекту, считались охотничьими, в русско-турецкой войне были вооружены баши-бузуки.

К позиции военного министерства и, в частности, А. Ф. Редигера финская сторона была готова, что видно из подтекста секретного отношения А. Ф. Редигеру, в котором А. Ф. Лангофом был представлен проект«Постановления о временных ограничениях в праве привоза в край огнестрельного оружия».

В этом отношении, составленном 30 июня, А. Ф. Лангоф сообщал, что, несмотря на «казалось бы и Вами *(Редигером – прим. автора)* в качестве члена Особого Совещания, уже выражено согласие» к высочайшему утверждению представленного финляндским сенатом законопроекта, он (Лангоф) «имея в виду особую в том просьбу Действительнаго Тайнаго Советника Герарда», всё же просил заключения военного министра.

Полученное в тот же день А. Ф. Редигером это отношение для составления ответа было передано в ГАУ. 14 июля А. Ф. Лангофу был дан ответ, в котором военный министр, как и письме от 4 марта 1906 г. генерал-губернатору Герарду, рекомендовал «...к руководству те же правила, какия установлены в России...». В ответе были приведены и упомянутые выше возражения «оружейного отделения Артиллерийского комитета».

На этом переписка между А. Ф. Редигером и А. Ф. Лангофом не закончилась.

Было одно «но». С 1891 года Министру Статс-Секретарю Вел. Кн. Финляндского для представления императору нового закона, в случае если он касался интересов империи, нужно было запросить заключение подлежащего министра, поэтому Август Федорович Лангоф при всём своём желании без согласия военного министра обойтись не мог.

3 августа военный министр получил новое письмо, в котором А. Ф. Лангоф сообщал, что им через финляндского генерал-губернатора законопроект был возвращён для переработки, но вместе с этим он вновь обращал внимание военного министра на то, что «...с точки зрения насущных интересов той части населения Финляндии, для которой охота составляет главнейший источник существования, ограничение ввоза в край оружия одними лишь гладкоствольными ружьями представляется крайне стеснительным, так как для многих видов охоты, как, например, на крупного зверя, тюленей и проч., являются пригодными исключительно нарезныя ружья». Пытался напомнить, что на Особом Совещании военным министром было одобрено его предложение о принятии «...в установленном порядке мер к воспрещению в Финляндию не всех без исключения видов нарезных ружей, а лишь тех из них, которыя представляют боевую опасность». И, наконец, вновь сообщив, что при Таможенном Управлении в Финляндии «учреждено особое совещание из специалистов по оружейному делу, которые в сомнительных случаях всегда имеют возможность выехать в подлежащую таможню для осмотра привезеннаго оружия, или вытребовать таковое в место постоянного своего пребывания», А. Ф. Лангоф покорнейше просил военного министра «...в ограждение охотничьего промысла в Финляндии от значительнаго ущерба, изъявить свое согласие на допущение ввоза в край если не всех указанных в сенатском проекте видов нарезных ружей, то по крайней мере некоторых из них».

8 августа ГАУ военному министру был представлен проект ответа, суть которого сводилась к тому, что мера временная и в Финляндии к тому же достаточно запасов оружия, поэтому «...нет оснований делать исключения и для Финляндии». 9 августа военным министром был дан ответ.

Смирившись с позицией военного министра, 16 августа Лангоф сообщил ему, что «Финляндский Сенат вошёл ныне с всеподданнейшим представлением», согласно которому в течение года в Финляндию пропускались лишь гладкоствольные ружья. 24 августа это представление было высочайше утверждено и с 1 сентября оно начинало действовать.

В мае 1907 года А. Ф. Лангоф по инициативе финляндского генерал-губернатора интересовался у военного министра, «не представится ли необходимым продлить срок действия» постановления. На что военный министр ответил, что считает «продление срока действия Высочайшего повеления от 24 Августа 1906 г. об ограничении права ввоза в Финляндию огнестрельнаго оружия не только желательно, но и необходимо», так как, по имеющимся в Министерстве Внутренних Дел и сообщённых ему, военному министру, сведениям, запрещённое к ввозу в Финляндию огнестрельное оружие, благодаря недостаточно бдительному надзору и попустительству местных властей, ввозится в Финляндию массами.

Так эти постановления продлевались до 1909 года. А в 1910 г. временно, до пересмотра Финляндских таможенного устава и таможенного тарифа, было Высочайше утверждено положение Совета министров «О принятии временных мер по ограничению ввоза в Финляндию оружия и боевых припасов», которое не только запрещало привоз в Финляндию всех, кроме гладкоствольных, ружей, револьверов и пистолетов, но и предоставляло «Финляндскому генерал-губернатору разрешать изъятие из указанного запрета, определять порядок хранения арестованных оружия и боевых припасов, постановлять об уничтожении или ином употреблении тех из числа сих предметов, кои подвергнутся конфискации».

Борьба с контрабандой из Финляндии оружия отразилась и на военных. С июня 1907 года «...офицеры, следующие в первый раз через границу Финляндии...» обязывались предъявлять в таможне удостоверение, в котором указывались «...следующия сведения: 1) Чин и фамилия офицера, 2) Какой части, управления или учреждения, 3) Какой системы револьвер и пистолет имеет при себе, 4) Фабрика, на которой приготовлено оружие, и 5) номер его». В таможне, сверив оружие с данными в удостоверении, ставили «...свой штемпель» и беспошлинно пропускали оружие. Удостоверение выдавалось «...начальниками отдельных частей войск, управлений и учреждений».

Таким образом, получается парадоксальная ситуация. С одной стороны, из-за проявленной царским правительством безалаберности и допущенных политических ошибок у населения Финляндии, благодаря местным законам, было больше свобод в праве владеть огнестрельным оружием, что само по себе не представляло ничего опасного, и можно было бы сказать нет худа без добра, если бы, с другой стороны, по той же самой причине Финляндия в составе Империи не была своего рода троянским конём и её территория не стала коридором, через который в Россию шла контрабанда оружия. При этом Россией, как это ни странно, по каким-то причинам не предпринималось каких-либо серьёзных мер, эффективность которых, говоря языком того времени, соответствовала бы остроте политического момента.

При оформлении материала использованы изображения образцов, хранящихся в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи в Санкт-Петербурге.

Порт Гельсингфорса. Фото времён первой мировой войны